

ИССЛЕДОВАНИЯ

К.В. Карпов

Антискептицизм В.Д. Кудрявцева-Платонова в трактате «Об основных началах философского познания» и эвиденциалистский вызов религиозным убеждениям

Карпов Кирилл Витальевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: kirill.karpov@gmail.com

Основная проблема настоящей статьи – можно ли сформулировать для эпистемологической концепции (по крайней мере в том виде, в каком она представлена в трактате «Об основных началах философского познания») В.Д. Кудрявцева-Платонова эвиденциалистский вызов религиозным убеждениям, выдвинутый британским математиком и философом Уильямом Клиффордом в эссе «Этика убеждений» (первая публикация – 1877 г.). Я показываю, что такая проблема вполне могла бы быть поставлена, а также предлагаю возможный ответ Кудрявцева-Платонова на эвиденциалистский вызов. В первой части статьи я, основываясь на анализе и критике Кудрявцевым-Платоновым таких философских подходов, как философия здравого смысла, эклектизм и скептицизм, приведённых им на страницах упомянутого трактата, аргументирую в пользу того, что духовно-академический философ придерживался в своих эпистемологических воззрениях фундаментализма и эвиденциализма. Во второй части статьи я излагаю плантинговскую версию эвиденциалистского вызова, поскольку в ней наиболее чётко показана зависимость его основных положений от фундаментализма и эвиденциализма. В заключительной части статьи я формулирую возможный ответ, который Кудрявцев-Платонов мог дать на этот вызов, и сравниваю его с антиэвиденциалистской аргументацией Плантинги.

Ключевые слова: В.Д. Кудрявцев-Платонов, А. Плантинга, эвиденциалистский вызов, антискептицизм, базовые убеждения, эпистемологический фундаментализм, эпистемологический деонтологизм, эпистемологический интернализм

Для цитирования: Карпов К.В. Антискептицизм В.Д. Кудрявцева-Платонова в трактате «Об основных началах философского познания» и эвиденциалистский вызов религиозным убеждениям // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 4. С. 7–25.

Введение

Как известно, сочинение Виктора Дмитриевича Кудрявцева-Платонова (1828–1891) «Об основных началах философского познания»¹ является первым в ряду его гносеологических² трудов. Оно увидело свет в 1885 г., а за ним последовали «Метафизический анализ эмпирического познания» (1886), «Пространство и время» (1886–1887), «Метафизический анализ рационального познания» (1887–1888), «Метафизический анализ идеального познания» (1888–1889). И хотя В.В. Зеньковский замечает, что «примат гносеологии в сущности касается у него (Кудрявцева-Платонова. – К.К.) только *изложения* системы»³, мы не должны считать, что решение эпистемологических проблем представлялось видному представителю духовно-академической философии только лишь инструментальным.

В своём первом сочинении по теории познания Кудрявцев-Платонов строит свою систему на опровержении скептицизма. Рассуждая в общем духе нововременной философии, он разделяет многие её эпистемологические установки: эвиденциализм и фундаментализм, которые среди современных эпистемологов разделяются далеко не всеми. Пожалуй, главный антагонист этих общих теорий – Алвин Плантинга, известнейший и для отечественного читателя представитель предыдущего поколения аналитических религиозных философов. Как известно, А. Плантинга сформулировал так называемый «эвиденциалистский вызов» религиозным убеждениям (религиозной пропозициональной вере), подробно разобрав его в монографии «Подтверждённая христианская вера» (“Warranted Christian Belief”)⁴. В настоящей статье я предложу фундаменталистскую и эвиденциалистскую интерпретацию эпистемологических воззрений Кудрявцева-Платонова и покажу, каким мог бы быть возможный ответ русского философа на эвиденциалистский вызов в том виде, как последний понимался А. Плантингой. Соответственно, статья состоит из трёх больших блоков: в первом даётся экспозиция гносеологических воззрений Кудрявцева-Платонова по трактату «Об основных началах философского познания» с акцентом на его фундаментализме, эвиденциализме и значении антискептических аргументов в его системе; второй посвящён изложению и анализу представлений А. Плантинги об «эвиденциалистском вызове»; в третьем, основываясь на тексте трактата, я конструирую возможный ответ Кудрявцева-Платонова на этот вызов и сопоставляю этот возможный ответ с антифундаменталистской и антиэвиденциалистской концепцией базовых религиозных убеждений Плантинги.

¹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 1–66.

² В настоящем очерке понятия «гносеология», «эпистемология» и «теория познания» я использую синонимично.

³ Зеньковский В.В., *прот.* История русской философии. М., 2001. С. 513.

⁴ «Подтверждённая христианская вера» стала заключительным томом трилогии А. Плантинги. Предыдущие два тома – «Подтверждение. Текущая Дискуссия» (*Plantinga A. Warrant: The Current Debate*. New York, 1993) и «Подтверждение и должное функционирование» (*Plantinga A. Warrant and Proper Function*. Oxford, 1993). Трилогия посвящена разработке релябилистского подхода к обоснованию (*justification*) и христианской эпистемологической апологетике.

Фундаментализм, эвиденциализм и антискептицизм Кудрявцева-Платонова

Метанаучные функции философии

Трактат «Об основных началах философского познания» выступает у Кудрявцева-Платонова не просто введением в гносеологическую проблематику, но в нём обоснованно определяется место знания философского среди других видов знания, а именно как обоснованное знание доступных разуму начал. Кудрявцев-Платонов выделяет три вида знания при ответе на вопрос, какие истины являются «недоказуемыми, основными и непосредственно достоверными»⁵: нестрогое научное, научное, философское. Далее в трактате речь идёт не вообще о теории всякого знания, а даётся характеристика знанию, даваемому именно философией. Из этого проистекает и то, что значительное место в трактате занимают опровержения значимых для философской традиции представлений о началах познания. Основная характеристика философского знания состоит в «глубочайшем стремлении к вполне достоверному знанию», и поэтому разум в философии «старается по возможности рационально обосновать их (достоверные и несомненные положения науки. – К.К.), чтобы всё наше знание в совокупности могло назваться вполне научным знанием, то есть основанным не на предположениях, но на рационально проверенных и доказанных началах»⁶. Уже здесь видно характерное для XIX в. отношение к подлинному знанию как к математически организованному: оно должно покоиться на фундаменте, составленном из очевидных для разума и чувств истин. Более того, в некотором смысле предвосхищая логический позитивизм, Кудрявцев-Платонов видит роль философии в том, чтобы как можно глубже прояснить первоначала для всех наук (естественных – в первую очередь), установив тем самым несомненные начала знания вообще⁷. Философия – единственная авторефлексирующая дисциплина, поэтому ясно, что вопрос о началах в ней рассматривается и применительно к ней самой. Кудрявцев-Платонов рассматривает три направления в ответе на вопрос о познаваемости начал для самого философского мышления: философия здравого смысла, эклектизм (или синкретизм) и декартово методическое сомнение.

Философия здравого смысла

Кудрявцев-Платонов определяет философию здравого смысла как такую систему мысли, в которой критерием истины признаётся всеобщее согласие людей, проистекающее из их разумности и выражающее её: «здравый и общий смысл – понятия тождественные, что согласно и с обычным словоупотреблением»⁸. Философ предлагает четыре аргумента против философии здравого смысла как начала познания.

(1) Неопределимость понятия *здравый смысл*. Это ошибка принятия частного за общее: познающий субъект не может сослаться на собственный опыт как выражение *общего* согласия всех людей. Допущение этой ошибки ведёт к субъективизму и уничтожению научного познания вообще.

(2) Положения, принимаемые в философии здравого смысла за очевидные, необходимые и несомненные, не являются таковыми. Доказательство тому – разнообразие мнений, существующих в философии по поводу самых фундаментальных

⁵ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 2.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Эвиденциалистские и фундаменталистские устремления Кудрявцева-Платонова видны уже хотя бы из этого; но подробнее этого вопроса мы коснёмся позже – в конце настоящего раздела.

⁸ Там же. С. 10.

вопросов (например, существование Бога), тогда как всеобщее согласие имеется только по поводу простых истин, таких как $2+2=4$.

(3) Суждения, противоречащие, по-видимому, положениям здравого смысла, рациональны. То есть положения здравого смысла и противоречия им равно отвечают принятым в разных философских системах критериям убедительности. Например, философы-материалисты убедительно доказывают отсутствие духовной природы, а некоторые философы-идеалисты отрицали не только достоверность познания чувственно-воспринимаемых предметов, но и их существование.

(4) Принцип здравого смысла не даёт никаких гарантий от перемены признаваемых истинными сегодня положений. Если знание развивается, то развиваются (хотя бы просто уточняются) разделяемые большинством положения. Это аргумент не от простого факта релятивизма, а от логики развития знания.

Выводы Кудрявцева-Платонова сводятся к следующему. (i) Положения, разделяемые большинством, не могут лежать в основе знания: ведь как может заблуждаться индивидуальный разум, точно так же подвержен ошибкам разум коллективный. (ii) Философия здравого смысла полагает не начало знания, а критерий истинности принимаемых положений, но цель истинной философии заключается как раз в том, чтобы «объединить разрозненные начала всех других наук и попытаться вывести их достоверность из одного начала»⁹. По этой причине начало здравого смысла не является подлинно философским. (iii) Более того, критерий истинности не есть знание истины. Здесь Кудрявцев-Платонов задаёт необходимое, но, возможно, недостаточное условие подлинно философского знания: только соединение первого и второго ведёт к формированию ясных и отчётливых понятий. Кажимость всеобщности некоторых положений не отвечает критерию обоснованности и доказанности. Даже если все люди согласны в том, что $2+2=4$, для подлинного философского знания необходима та сила аподиктичности, которая возникает только тогда, когда мы определяем все входящие в данное выражение термины: *2*, *4*, *операция «сложение»*, *операция «равенство»*. Именно в силу того, что критерий всеобщности отличается от критерия обоснованности, философия здравого смысла не может служить идеалом знания, выступать началом познавательной деятельности, но

...превращалась в столь же поверхностную, хотя ожесточённую и самоуверенную критику существующих религиозных и общественных установлений, под предлогом противоречия или так называемому здравому смыслу, или разуму, под именем которого разумелся уже не общий смысл человечества, ни даже большинства людей, но понимание известного кружка считавших себя образованными лиц, выдававших себя за представителей общечеловеческого разума¹⁰.

Эклектизм

Эклектизм, или синкретизм, Кудрявцев-Платонов определяет как такое направление мысли, которое руководствуется «внутренним чутьём истины, личным здравым смыслом» философа¹¹, а внутреннее чувство истины, в свою очередь, приводит философов этого направления к постулированию принципа чувства или веры как первого принципа философии¹². Этот принцип нашёл яркое воплощение в философии Фридриха Генриха Якоби, которую Кудрявцев-Платонов тщательно разбирает. Основу этой философии составляет то исходное положение, что доказать основные

⁹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 10. Примеч. 1.

¹⁰ Там же. С. 17–18.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 21.

истины знания невозможно, поскольку это требует от нас, чтобы мы вышли за пределы этого знания: тогда либо последнее будет составлять те истины, которые подлежат доказательству, либо основные истины должны быть уже предзаданы в доказательстве. Это аргументация: в первом случае – от запрета на бесконечный ряд в логическом доказательстве, во втором – от *petitio principii*¹³. Если доказательство основных истин не может даваться только разумом, они должны найти основание в каком-то ином принципе – чувстве или вере. Согласно Кудрявцеву-Платонову, эклектизм сталкивается с двумя основными проблемами. Первая из них – методологическая. Вместо поиска внутренних связей автор такой системы заботится только о внешней логической согласованности элементов системы. Вторая проблема связана с источником такой системы: построения эклектика всегда субъективны, связаны с его личностью, поэтому не могут приниматься другими философами в неизменном виде; это значит – сторонники философии чувства заключают (слишком поспешно, по мнению Кудрявцева-Платонова) о несостоятельности разума: то, что доказательств ещё нет, не значит, что их не может быть вообще¹⁴. Несмотря на то, что ни философия здравого смысла, ни эклектическая философия не могут быть такой философской системой, в которой обосновывались бы начала знания, они были и остаются весьма популярными в силу их высокой способности адаптироваться под вкусы и запросы времени, и в итоге они выражают «миросозерцание более или менее образованного большинства данного времени»¹⁵.

Опровергая же аргументы о запрете на бесконечный ряд в логическом доказательстве и о *petitio principii* в доказательстве основных истин, Кудрявцев-Платонов приоткрывает для нас некоторые положения своей эпистемологической доктрины. (iv) Онтологический порядок (реальное происхождение вещей, *ratio fiendi*) и порядок познания этой онтологии, свойственный нашему разуму (происхождение понятий о вещах в нашем сознании, *ratio cognoscendi*), различны, и их нельзя смешивать¹⁶. Если в реальности безусловное сущее предшествует тому, что из него происходит и от него зависит, то в познании безусловные истины обретаются в ходе познавательных актов, завершая их, а не представляются как самоочевидные положения. Порядок познания ведёт от конкретного к общему, от представлений к понятиям. (v) То же относится и к доказательству: порядок генезиса вещей не соответствует генезису понятий – доказательству, поскольку последнее обозначает выведение очевидности одной истины из другой, очевидность которой уже была установлена. Кудрявцев-Платонов так иллюстрирует это положение: доказательство бытия Бога не означает, что его бытие обусловлено конечными вещами, но значит, что истина понятия о Боге выводится из понятий, являющихся для нас более очевидными¹⁷.

Скептицизм¹⁸

Кудрявцев-Платонов выделяет два вида скептицизма: методический (философский) и положительный. Первый вид не ставит под сомнение познание истины и формулирует характерный метод (способ) её познания. В этом смысле скептицизм

¹³ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 22–23.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Там же. С. 20.

¹⁶ Там же. С. 24.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Подробное и последовательное изложение антискептической позиции В.Д. Кудрявцева-Платонова было проделано иеродиаконом Александром (Степановым). См.: Степанов А. Анализ философии скептицизма в творчестве профессора Виктора Дмитриевича Кудрявцева-Платонова // Актуальные вопросы церковной науки. 2019. № 1. С. 267–271.

совпадает с началом философского познания вообще. Главный представитель этого направления в новой философии – Рене Декарт¹⁹. Скептицизм же положительный подразделяется на два вида: абсолютный и относительный. Относительный скептицизм не имеет какого-либо философского значения, т.к. он отмечает только сомнение в одной части знания, а значит, другая часть, напротив, даёт прочную основу для познания. Так, если в религиозной философии ставится под сомнение достоверность человеческого разума, то это означает, что в истинной религии он может найти твёрдые основания и успокоение от сомнений²⁰. Абсолютный же скептицизм отрицает возможность иметь достоверное знание вообще и, следовательно, не ведёт к положительному мировоззрению²¹. Далее философ устанавливает достоинства и отмечает недостатки каждого вида скептицизма.

Кудрявцев-Платонов, с одной стороны, поддерживает принцип методического сомнения Декарта. Как он пишет, сомнение есть первое побуждение к познанию таких предметов, как природа, происхождение и состав Вселенной, первое начало бытия. И в дальнейшем сомнение в правильности и окончательности уже полученных ответов способствовало в философии возникновению новых систем²². Декарт, будучи фундаменталистом в вопросах гносеологии, применил принцип сомнения к самым основным убеждениям: уверенности в существовании внешнего мира, достоверности нашего познания, бытию божественного и даже собственному нашему существованию²³. Как отмечает Кудрявцев-Платонов: «Методическое сомнение есть движущий нерв всякого рода познания, не только философского»²⁴. А то, что Картезий, применяя принцип сомнения, пришёл к надёжному основанию всякого знания и построил новую прочную систему, говорит не только о безопасности этого принципа, но и о беспочвенности всей той критики, которой он подвергся, поскольку она основывалась на грубом смешении скептицизмов методического и положительного²⁵. Методическое сомнение необходимо для всякого научного познания, оно не имеет ничего общего с положительным скептицизмом и в полном праве может быть обозначено «согласно с буквальным значением слова *οκείψις*, которое значит первоначально: рассмотрение, исследование; ещё лучше – назвать его критическим исследованием истины (критицизмом), которое составляет действительную принадлежность правильного философского метода»²⁶.

С другой стороны, методическое сомнение Декарта подвергается Кудрявцевым-Платоновым и критике. Главная проблема этого принципа состоит в том, что Картезий не положил ему границ, не определил точно тех вопросов, в которых его принцип имеет законное приложение. Кудрявцев-Платонов полагает, что принцип применим только к философскому, т.е. рационально обоснованному, знанию и только к философски доказуемой истине, а не вообще к истине. Так, знания положительные (позитивные), а именно эмпирическое и историческое, не принадлежат к философскому. Их источник – факты, а критерий истинности – согласие с действительностью. Подвергать знание нефилософское методическому сомнению (т.е. суду философии) – «значит расширять границы философии и приходиться к ложной и односторонней мысли, будто то только истинно существует и составляет предмет истинного и несомненного знания, что может быть философским

¹⁹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 30–31.

²⁰ Там же. С. 38.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 30–31.

²³ Там же. С. 31–32.

²⁴ Там же. С. 32.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 33–34.

способом доказано или выведено из начал философских»²⁷. Но даже и в самой философии принцип методического сомнения должен быть ограничен. Философский скепсис по своей природе есть рассмотрение и исследование, а методическое сомнение в неумелых руках приводит к отрицанию и разрушению, которые и ведут к скептицизму положительному²⁸.

Как отмечалось, для Кудрявцева-Платонова положительный скептицизм подразделяется на абсолютный и относительный, и последний не имеет для него собственного философского значения. Как и в случае с декартовым методическим сомнением, Кудрявцев-Платонов находит и положительное значение абсолютного скептицизма. Оно состоит в том, что невозможность знания истины приводит философа к совершенному воздержанию от суждений по поводу вещей (*ἐπιποχή*). Удержание суждения доставляет истинное счастье и ведёт к бесстрастию (*ἀταραξία, ἀπάθεια*)²⁹.

Опровержение абсолютного скептицизма Кудрявцев-Платонов начинает с того, что формулирует парадокс скептицизма. Скептик утверждает, что человек не может знать истины. Но само это положение в таком случае может быть либо достоверным, либо нет. Если оно достоверно, то человек может знать хотя бы одну истину, что противоречит изначальному утверждению скептика. Если же это положение недостоверно, то сомнительно изначальное утверждение скептика. То же относится и к аргументам, используемым скептиком для подтверждения своей правоты³⁰. И так всегда: когда сторонник абсолютного скептицизма обвиняет других в том, что их утверждения не могут быть истинными, он принимает, что само его убеждение в невозможности познания истины истинно. То же обнаруживается и в области практической философии: насколько скептицизм критичен в эпистемологии, настолько же он догматичен в этике. Учение скептиков о счастье и средствах его достижения не подвергается ими никакому сомнению, хотя, если мы принимаем абсолютный скептицизм в познании, почему мы должны довериться их рассуждениям в этике?³¹ В целом это – аргумент от самоопровержения скептицизма. Второй аргумент Кудрявцева-Платонова очерчивает действительное значение утверждения абсолютного скептика и устанавливает границы его применимости. Он говорит, что ограниченность знания или неуверенность в нём не равняется утверждению о ложности знания: «невозможность знания абсолютного не есть невозможность знания относительного»³². Следовательно, абсолютный скептицизм не только не самопротиворечив, но и опасен только для «тех философских систем, которые утверждают абсолютность философского ведения»³³.

В рассуждениях о скептицизме разделяемые Кудрявцевым-Платоновым эпистемологические убеждения становятся ещё яснее. (vi) Знание подразделяется Кудрявцевым-Платоновым по своему происхождению на то, что основано на авторитете (религиозном и общего смысла), и рациональное, имеющее своим источником собственные усилия человека. Это важная дифференция, поскольку скептицизм касается, как считает философ, только последнего вида. Истины знания первого рода, и здесь речь идёт прежде всего о знании религиозном, могут быть истинными по содержанию и потому приниматься нашим сознанием. «Такого рода прежде всего суть

²⁷ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 35.

²⁸ Там же. С. 36–37.

²⁹ Там же. С. 43.

³⁰ Там же. С. 40–41.

³¹ Там же. С. 44.

³² Там же. С. 42.

³³ Там же. С. 43.

истины религии, усвояемые преимущественно верою»³⁴, – пишет духовно-академический философ. (vii) С другой стороны, Кудрявцев-Платонов видит существо философии в разъяснении и рациональном обосновании истин, поэтому два основных вопроса для него состоят в том, возможно ли такое обоснование «коренных истин нашего познания»³⁵ и, если такие обоснования невозможны, не вправе ли мы вообще усомниться в существовании несомненных истин. Отвечая на первый вопрос, Кудрявцев-Платонов исходит из фундаменталистского представления о знании. Обоснование самых базовых истин, на которых строится всё дальнейшее здание знания, может и отсутствовать, но это не значит, что эти истины теряют свойство быть базовыми. Напротив, их истинность может быть заимствована из знания, основанного на авторитетном источнике. Поэтому (viii) разум, подвергая сомнению истины, основанные на Откровении, вторгается в чужую для него область. Однако последующие философские системы, возможно, смогут найти рациональные обоснования и для таких истин. В этом и заключается вечное движение философского поиска.

Эвиденциализм и фундаментализм

Прежде чем перейти к обозначению тех позиций в теории познания, которых придерживается Кудрявцев-Платонов, дадим им краткие определения, чтобы избежать разномыслия в их понимании. Под *фундаментализмом* понимается такая эпистемологическая теория, согласно которой всё устройство знания видится по аналогии со зданием: у него имеется фундамент, составленный из самоочевидных, простых истин, всё остальное строение является как бы комбинацией этих простых истин и полученных из них более сложных. Простые истины, составляющие фундамент, называются *базовыми убеждениями*. Под *эвиденциализмом* имеется в виду такая эпистемологическая теория, согласно которой только те убеждения (на языке Кудрявцева-Платонова – истины) достойны принятия, которые либо являются базовыми, либо получены в результате вывода (логического или опытного) из базовых убеждений. Иначе говоря, каждое убеждение (каждая истина) должна быть *обоснована* согласно имеющимся правилам вывода. Данные определения общие, не позволяющие более точно охарактеризовать позицию Кудрявцева-Платонова. Однако, как представляется, они диктуются целями настоящего исследования: предложенная трактовка понятий вполне достаточна для первой попытки определения гносеологических воззрений Кудрявцева-Платонова в терминах современной эпистемологии и для дальнейшего рассуждения – формулирования возможной позиции русского философа по вопросу об эвиденциалистском вызове религиозной вере и сравнения его возможного ответа с концепцией Алвина Плантинги.

Итак, я уже не раз упоминал, что Кудрявцев-Платонов (вполне в духе своего времени) разделяет следующие основные эпистемологические положения: (I) фундаментализм (i, ii, iv, v, vi, vii), (II) эвиденциализм (iii, v, vii, viii), (III) представление о границах естественного разума (iv, vi, viii). Скажем об этом теперь чуть подробнее.

Все три главные позиции Кудрявцева-Платонова поддерживают друг друга. Кудрявцев-Платонов, очевидно, придерживается фундаментализма: положения i, ii, iii, vii говорят об этом напрямую. Философ говорит о базовых истинах, которые обосновывают положения наук. Он задаёт критерий базовых истин: это не просто «очевидные» положения (правда, и это определение фиксируется им многократно), но истинные положения, отвечающие критерию истинности (iii). Это крайне

³⁴ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 34.

³⁵ Там же. С. 29.

интересное положение, т.к. оно фиксирует базовые убеждения для каждого вида знания (обыденного, нестрого научного и научного) и даже для подвидов научного знания (исторического, эмпирического, философского). Это избавляет Кудрявцева-Платонова от необходимости подводить любой вид знания под один критерий, как это часто происходило в эпистемологии и философии науки XX в. Фундаментализм он принимает вместе с эвиденциализмом: внутреннее устройство здания знания задаётся эвиденциалистскими критериями. Это прежде всего положения ii, iv, v. Здесь Кудрявцев-Платонов говорит о том, что объединение начал и вывод всех базовых положений для частных наук является задачей философии, которая тем самым реализует метанаучные функции. Он отмечает, что порядок познания отличен от реального онтологического порядка. Значение этого утверждения в том, что оно показывает зависимость эпистемологии не от онтологии, а скорее от психологии. Если говорить современным языком, эпистемология должна ориентироваться на открытия когнитивных наук, а не метафизики. Это одна из философских причин, в силу которой Кудрявцеву-Платонову оказалось необходимым ввести третье положение своей теории познания: осознание границ человеческого разума. Введение этого принципа позволяет ему ещё точнее определить фундаментализм и эвиденциализм, которых он придерживается. Они выступают в его эпистемологической системе скорее рациональными принципами организации знания, а не самодовлеющими началами знания. Иными словами: в любой области человеческой познавательной активности получаемое знание организуется фундаменталистски и эвиденциалистски. Это касается повседневного опыта, религиозных убеждений, научного знания (как общественно-гуманитарного, так и естественнонаучного). Но нельзя считать, будто все имеющиеся знания можно объединить в одну массу и организовать её согласно этим двум принципам.

Эвиденциалистский вызов религиозной вере и способ его опровержения А. Плантингой

Эвиденциалистский вызов

В статье «Разум и вера в Бога», опубликованной в сборнике «Религиозная вера и рациональность», Алвин Плантинга формулирует эвиденциалистское возражение против религиозных убеждений. Он возводит его к знаменитой максиме британского математика и философа Уильяма Кингдома Клиффорда: «неправильно всегда, везде и для кого бы то ни было иметь убеждения о чём-либо без достаточных на то свидетельств»³⁶. Этот вывод Клиффорда Плантинга встраивает в контекст тех цитат из статьи Клиффорда, в которых британский философ и математик рассуждает о том, что убеждения *должны* быть подкреплены соответствующими свидетельствами. В противном случае человек нарушает свой долг перед человечеством: если «убеждение было принято на недостаточных основаниях, то соизволение похищено.

³⁶ Clifford W.K. The Ethics of Belief. Lectures and Essays. London, 1879. P. 186. Цит. по: Plantinga A. Reason and Belief in God // Faith and Rationality: Reason and Belief in God / Ed. A. Plantinga, N. Wolterstorff. Notre Dame, 1983. P. 25. Имеется русский перевод этой статьи: Плантинга А. Разум и вера в Бога // Аналитический теист: антология Алвина Плантинги / Сост. Дж.Ф. Сеннет, пер. с англ. К.В. Карпова, науч. ред. В.К. Шохин. М., 2014. С. 189–274. Данная цитата представлена на с. 201. Эта статья А. Плантинги состоит из основного текста и дополнительного, в оригинале набранного меньшим кеглем. В антологии, которая была переведена на русский язык, статья дана только в основном своём содержании. Поэтому я буду цитировать русский перевод в том, что касается основного текста статьи, и английский оригинал в тех случаях, когда буду обращаться к важным дополнениям.

Оно не только обманывает нас, даруя нам чувство силы, которой мы на самом деле не обладаем, но оно грешно, потому что украдено вопреки нашему долгу перед человечеством»³⁷. Плантинга так интерпретирует Клиффорда: религиозный человек принимает религиозные убеждения на недостаточных свидетельствах, а следовательно, нарушает свой эпистемический долг³⁸.

Подводя итог, Плантинга формулирует эвиденциалистское возражение в двух пропозициях:

Иррационально или неразумно принимать теистическое убеждение в отсутствие достаточного на то свидетельства или причин...

У нас нет свидетельств или по крайней мере достаточных свидетельств в пользу пропозиции, что Бог существует³⁹.

Согласно Плантинге, за эвиденциалистским вызовом религиозным убеждениям стоят разные эпистемологические теории, а именно деонтологизм, фундаментализм, интернализм.

Эвиденциалистское возражение и эпистемологический деонтологизм

Первым в ряду тех эпистемологических представлений, что позволяют сформулировать эвиденциалистское возражение, стоит идея об интеллектуальных обязательствах. Это нормативный подход, согласно которому системы убеждений (как, разумеется, и отдельные убеждения), чтобы считаться рациональными, должны удовлетворять заданному критерию. Следование критерию есть долг познающего субъекта в отношении своих убеждений. В тех случаях, когда убеждения сформированы и приняты вне критерия рациональности, познающему субъекту предписывается отказаться от убеждения или принять противоположное. Не так важно, какого рода это обязательство: *suī generis* или это частный случай морального обязательства – в любом случае у познающего субъекта имеются эпистемические обязанности и долг выполнять их.

Эти обязательства – Плантинга называет их интеллектуальными – могут принимать разные формы, поскольку направлены на все виды познавательной деятельности. Так, обязательства могут касаться механизма получения новых убеждений, принятия убеждений, поддержания всей системы убеждений. Различны и способы понимания обязательств. Например, их можно понимать телеологически: интеллектуальные обязательства призваны способствовать достижению познающим субъектом некоей цели – например, истины в познании. Иначе их можно понимать утилитаристски. В этом случае они представляются как нечто, возникающее на связи между убеждениями и внутренним эпистемическим благом. Соответственно, интеллектуальные обязательства – это то, что способствует достижению эпистемического блага. В третьем случае обязательства могут пониматься аретически. Тогда ценность приобретают определённые интеллектуальные навыки, и интеллектуальные обязательства могут трактоваться как то, что способствует приобретению этих навыков и их совершенствованию не только для индивидуального, но и для коллективного познающего субъекта. Наконец, обязательства могут осмысляться эпистемологически в собственном смысле. Тогда интеллектуальные обязательства понимаются не в связи с познавательной целью, не из представления о присущем

³⁷ Clifford W.K. *The Ethics of Belief. Lectures and Essays*. London, 1879. P. 184. Цит. с измен. по: Плантинга А. Разум и вера в Бога. С. 200–201.

³⁸ Там же. С. 201.

³⁹ Цит. с измен.: там же. С. 205.

знанию благе, не из представления о совершенствовании познавательных качеств субъекта, а как явление *suī generis*, т.е. как то, что присуще человеку в силу того, что он по природе является познающим субъектом. В этом случае речь будет идти о том, что человек должен правильно реализовывать заложенные в него природой или Богом познавательные способности (механизмы), наподобие того, что существует некое представление о том, как человек должен ходить, плавать, жевать и т.п., т.е. речь идёт об *объективном долге*⁴⁰.

Неважно, как деонтолог трактует интеллектуальные обязательства, значение имеет сам подход: познающий субъект *qua* познающий субъект и его убеждения подлежат определённой оценке. Религиозные убеждения снижают эту оценку, поскольку сами по себе они либо оцениваются крайне низко, либо вообще выходят за нижний предел воображаемой шкалы оценивания убеждений.

Эвиденциалистское возражение и эпистемологический фундаментализм

Вторая теория, подлежащая эвиденциалистскому вызову, – классический эпистемологический фундаментализм. Тезис фундаментализма говорит о том, как устроена система убеждений. Для описания этого тезиса Плантинга вводит понятие *ноэтической структуры*: «Это набор пропозиций, в которые верит данная личность, вместе с определёнными эпистемическими отношениями, имеющими место быть между ней и пропозицией»⁴¹. В ноэтической структуре видно, какие убеждения являются базовыми, лежащими в основе прочих, небазовых, убеждений, какие существуют правила вывода небазовых убеждений из базовых, какие убеждения принимаются с большей силой, от каких из них нельзя отказаться, не разрушив всю ноэтическую систему. Что бы ни понималось под правилами вывода (подтверждение, строгое доказательство, кумулятивная сила свидетельств), ясно, что отношения между убеждениями в ноэтической структуре асимметричны и нерелективны. Асимметричность означает, что базовые убеждения в некотором смысле более ценны, основательны, непоколебимы, чем небазовые. Нерелективность выражается в том, что никакое убеждение не может быть основано на самом себе. Если арифметическое выражение $2+2=4$ самоочевидно, то это не означает, что его самоочевидность обосновывает это убеждение. Напротив, это значит, что для его обоснования не требуются никакие свидетельства – никакие иные убеждения, включая саму эту пропозицию⁴².

Эвиденциалистское возражение и эпистемологический интернализм

Интернализм и экстернализм – термины пришлые для эпистемологии; они были заимствованы из философии сознания. Определить, кто именно из философов является интерналистом, а кто экстерналистом, не так просто. Однако сами идеи, маркируемые этими понятиями, ключевые для эпистемологии как XX в., так и XXI в.

Основная интерналистская идея состоит в том, что факторы, состояния и процедуры, обосновывающие убеждение, в некотором смысле внутренние для познающего субъекта. Обосновывающие убеждение факторы являются внутренними в том смысле, что познающий субъект знает их или, по крайней мере, в принципе может их

⁴⁰ *Plantinga A. Reason and Belief in God // Faith and Rationality: Reason and Belief in God / Ed. A. Plantinga, N. Wolterstorff. Notre Dame, 1983. P. 31–32.*

⁴¹ *Плантинга А. Разум и вера в Бога // Аналитический теист: антология Алвина Плантинги / Сост. Дж.Ф. Сеннет; пер. с англ. К.В. Карпова; науч. ред. В.К. Шохин. М., 2014. С. 227.*

⁴² *Plantinga A. Reason and Belief in God // Faith and Rationality: Reason and Belief in God / Ed. A. Plantinga, N. Wolterstorff. Notre Dame, P. 52–53.*

знать, имеет к ним особый эпистемический (когнитивный) доступ или, по крайней мере, может иметь к ним особый эпистемический (когнитивный) доступ. Что это за качество, к которому имеет доступ познающий? А. Плантинга считает, что это качество – осознание внешнего, объективного долга⁴³. Но дело не только в объективном долге. К нему должно присоединяться субъективное осознание долга. Моральная ответственность предполагает и внешний по отношению к субъекту долг, и внутреннее чувство необходимости следовать этому долгу. Мы можем допустить, что человек может поступать неправильно или недопустимо, даже если он считает, что такой образ действий вполне соответствует его обязанностям. Задача социума заключается в том, чтобы убедить поступающего так в том, что он не должен считать данное действие допустимым или обязательным. Эта апелляция к сознанию поступающего свидетельствует о том, что его моральное видение затуманено и может быть исправлено. В этом взаимодействии социума и субъекта, по мнению Плантинги, раскрывается связь между объективным и субъективным долгом.

Эта связь определяется тем, что – так, во всяком случае, мы склонны думать – определённый вид ошибки невозможен для хорошо сформированного человека, который действует (и действовал) добросовестно... Именно эта мысль – мысль о том, что в большом числе случаев объективный и субъективный долг совпадают, – лежит в основе классического интернализма. Это совпадение объективного и субъективного долга является движущей силой классического интернализма Декарта и Локка⁴⁴.

Таким образом, фундаментализм, деонтологизм и интернализм оказываются глубочайшим образом связанными между собой⁴⁵. Фундаментализм задаёт структуру знания, в нём реализуются деонтологические требования (что интересно, как по отношению к субъекту, так и по отношению к убеждениям – прежде всего базовым), и понимание этого долга, его принятие описывается в рамках интерналистской концепции знания. Интернализм и фундаментализм вытекают из деонтологизма, и по крайней мере интернализм теряет без деонтологизма всю силу своей мотивировки.

Базовые убеждения и опровержение эвиденциалистского возражения

Итак, основной тезис эвиденциалистского возражения, с точки зрения А. Плантинги, заключается в том, что ни религиозная вера, ни религиозные убеждения не могут находиться в основаниях ноэтической структуры, т.е. быть базовыми убеждениями. Какими же характеристиками должны обладать базовые убеждения? Они должны быть истинными, самоочевидными, непосредственно очевидными для органов чувств, а также неисправимыми, т.е. такими, что их невозможно изъять из системы убеждений человека без последствий для последней. Учитывая это, эвиденциалистский вызов можно переформулировать следующим образом: убеждение в существовании Бога не является самоочевидным, непосредственно очевидным для органов чувств, а также неисправимым. Следовательно, ни одна рациональная ноэтическая структура не может иметь в своей основе пропозицию о существовании Бога.

Опровержение А. Плантингой эвиденциалистского возражения сводится к двум шагам. На первом из них он демонстрирует неудовлетворительность классического эпистемологического фундаментализма. Основной аргумент против фундаментализма сводится к тому, что тот самопротиворечив: выдвигаемые им требования

⁴³ *Plantinga A. Warrant: the Current Debate*. New York, Oxford, 1993. P. 15–19.

⁴⁴ *Ibid.* P. 19.

⁴⁵ Эту взаимосвязь теорий в отношении понятия обоснования (justification), которое следует из них, Плантинга называет классическим пакетом (см.: *Plantinga A. Warrant: the Current Debate*. New York, Oxford, 1993. P. 28; *Plantinga A. Warranted Christian Belief*. New York, Oxford, 2000. P. 82).

к знанию не выполняются самой теорией. Главным образом это касается его критериев базовости убеждений. Плантинга спрашивает: является ли для познающего субъекта (С) утверждение, что пропозиция (П) является базовой, только если она самоочевидна, неисправима и очевидна для чувств С, базовым? Очевидно, что нет. Скорее, знание об истинности этого утверждения базируется для С на основе других убеждений. Если это так, оно должно быть основано на убедительных и обозримых доказательствах – дедуктивных, индуктивных, вероятностных. Располагает ли фундаменталист подобными доказательствами? Очевидно, что нет. Следовательно, критерии базовости не только не являются базовыми для ноэтической структуры фундаменталиста, но и не расположены среди его небазовых (выведенных) убеждений⁴⁶. Для фундаменталиста это означает не только то, что его эпистемологическая теория неверна, но прежде всего то, что он сам нарушает принятые на себя эпистемические обязательства. Соответственно, он должен либо признаться в нарушении долга и, следовательно, перейти к неверию в собственную теорию, либо он должен отказаться от идеи интеллектуального долга⁴⁷. В любом случае эвиденциалистское возражение опровергнуто уже тем, что его невозможно сформулировать.

Второй шаг Плантинги на пути опровержения эвиденциалистского возражения состоит в том, чтобы показать, что убеждение в существовании Бога может быть базовым, но не лишённым оснований. В качестве такого основания для Плантинги выступает некий опыт, который производится на основе правильного функционирования когнитивного механизма, в силу которого познающий субъект может принимать убеждение. Это обосновывающее обстоятельство (опыт) меняется от убеждения к убеждению. Так, если человек видит перед собой красную стену, то в качестве основания будет выступать знание о том, что у него нормальное зрение, что он не носит очки с красными стеклами и т.п. То есть убеждение становится базовым только при определённых условиях⁴⁸. Является ли убеждение в существовании Бога базовым в этом смысле? Да, поскольку «имеется множество условий и обстоятельств, вызывающих к жизни веру в Бога: вина, благодарность, страх, чувство божественного присутствия, чувство того, что Он говорит с вами, восприятие различных частей мироздания»⁴⁹. Поэтому дальнейшее развитие аргументации связано с исследованием феноменологии этих состояний.

Возможный ответ В.Д. Кудрявцева-Платонова на эвиденциалистский вызов

В настоящем разделе я, основываясь на трактате «Об основных началах философского познания», предлагаю возможный ответ В.Д. Кудрявцева-Платонова на эвиденциалистский вызов религиозным убеждениям.

Итак, основываясь на эссе «Этика веры» У.К. Клиффорда, А. Плантинга формулирует эвиденциалистский вызов, который сводится к утверждению, что:

религиозные убеждения (1) не являются базовыми, (2) необоснованны (т.е. не подкреплены соответствующими свидетельствами) и, следовательно, (3) не являются видом знания и не достойны принятия.

⁴⁶ Плантинга А. Разум и вера в Бога // Аналитический теист: антология Алвина Плантинги / Сост. Дж.Ф. Сеннет; пер. с англ. К.В. Карпова; науч. ред. В.К. Шохин. М., 2014. С. 235–237.

⁴⁷ Там же. С. 238.

⁴⁸ Там же. С. 258–261.

⁴⁹ Там же. С. 262.

Плантинга в результате анализа эвиденциалистского вызова приходит к выводу, что он основан на классических эпистемологическом фундаментализме, интернализме и деонтологизме (т.н. «классический пакет»). Ответ Плантинги на эвиденциалистский вызов состоит в том, чтобы, отказавшись от «классического пакета», опровергнуть утверждение (1).

Мой тезис состоит в том, В.Д. Кудрявцев-Платонов также аргументирует против утверждения (1) эвиденциалистского вызова (т.е. признает, что убеждение в существовании абсолютного Начала является базовым), однако он делает это совершенно на иных основаниях, чем А. Плантинга. Кудрявцев-Платонов в поисках «несомненных истин и положений, которые могли бы служить основанием для философии и точкой опоры для дальнейших её исследований»⁵⁰, исходит из критики декартовского скептицизма и следует двум стратегиям, которые условно можно назвать «путь бытия» и «путь познания».

«Путь бытия»

Цель этого пути – установить такое понятие, на котором скептик, даже не подозревая того, строит свою мысль. Самая решительная формула скептицизма гласит: я сомневаюсь во всём⁵¹. Между всеми понятиями, входящими в эту формулу, имеется нечто общее. Это то, что все они отсылают к чему-то существующему, имеющему бытие. Так, когда скептик говорит: «я сомневаюсь», то утверждает, что он существует, а также существует то, в чём он сомневается, как и само сомнение. И даже если скептик, вслед за Горгием, скажет: «ничего не существует», то и в этом случае он утверждает существование, поскольку для отрицания несуществующего нужно иметь понятие о существующем – в противном случае нечего и отрицать. Так что самая первоначальная и несомненная истина заключается в утверждении «есть нечто», или «нечто существует»⁵².

Однако эта истина пуста в своём содержании, поэтому Кудрявцев-Платонов продолжает исследование формулы абсолютного скептицизма. Скептик говорит: «я сомневаюсь во всём» – и тем самым утверждает бытие собственного существования. Именно это и есть «всеобщая, необходимая и не подлежащая сомнению» истина⁵³. Эта истина не может быть опровергнута, поскольку даже для сомнения в ней скептик должен опять же допустить собственное существование. Эта истина не выводная, поскольку для этого надо опять же предполагать существование выводящего и доказывающего⁵⁴: «Это ясно показывает, что истина собственного существования есть первоначальная, коренная и не выводимая ни из каких других фактов или положений истина»⁵⁵.

Но скептик на признании собственного существования вовсе не останавливается. В акте сомнения он отрицает истину мнений других людей. Если же он говорит,

⁵⁰ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 45.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 46.

⁵³ Там же. С. 47–48.

⁵⁴ В этом месте Кудрявцев-Платонов делает отступление по поводу Декартовой формулы “*cogito, ergo sum*”. Раз собственное существование предполагается при любой деятельности, первая часть формулы не является такой незыблемой, как это обосновывал Картезий. Вместо *cogito* можно поставить *volo, moveo, lacrimo* и проч. (там же. С. 48). Интересно, как Кудрявцев-Платонов фактически возвращает формулу Декарта к аргументу Аврелия Августина, сделанному им в полемике со скептиками и заключающемся в формуле “*si fallor, sum*” (*De civ. Dei*. XI, 26), из которой, вполне возможно, Декарт и позаимствовал свою формулировку знаменитого несомненного начала.

⁵⁵ Там же. С. 49.

что наше знание о вещах не может быть истинным, то тем самым он предполагает существование истины и действительного существования вещей. Ясно, что даже в своей абсолютной формуле скептик допустил своё собственное существование, существование других людей и даже вещей⁵⁶. Но главное, что скептик признаёт идею истинного, совершенного знания и бытия, которые не могут быть подвергнуты сомнению. Таким образом, существует три начала познания: признание истины бытия субъективного (наше я и его состояния), объективного (не я) и существование совершенного, абсолютного бытия. Из этих начал выводятся существование мира духовного, физического и бытия абсолютно совершенного Существа⁵⁷. То, что связывает эти начала, – понятие *бытия*: чувственного, духовного, абсолютного. Признание бытия Существа абсолютного оказывается тем самым базовым убеждением.

«Путь познания»

Этот путь к доказательству того, что убеждение в существовании абсолютного Начала является базовым. Он начинается с определения познания. В.Д. Кудрявцев-Платонов укореняет его в самой природе человека:

...познание как специальная особенность разумной природы человека, отличающая его от неразумных животных, есть прежде всего неудовлетворённость его данными отвне впечатлениями и тем непосредственным знанием вещей, какое дают нам внешние чувства и даже наше просто самосознание⁵⁸.

В познании разум стремится проникнуть во внутреннее существо вещей и установить их происхождение, законы их существования. Проведённый анализ скептического тезиса о невозможности полного истинного знания анализируется здесь Кудрявцевым-Платоновым по аналогии с анализом скептического тезиса о несуществовании вещей. Духовно-академический философ спрашивает: каким образом скептик может знать о несовершенстве знания, если у него нет идеи о совершенном знании? Он заключает, что абсолютно совершенное знание предполагается скептицизмом и, более того, к нему он стремится, т.к. никакое конечное знание не может удовлетворить его стремления к истине. Однако идея абсолютного знания совпадает с идеей Существа абсолютно совершенного, поскольку философ исходит из неё и стремится к ней⁵⁹. Это и будет истинно философским познанием.

Остаётся только ответить на вопрос, возможен ли такой способ познания, который был бы настолько несомненным, как и сама истина. Кудрявцев-Платонов полагает формальный принцип такого познания. Для установления этого принципа он предлагает пойти уже испробованной дорогой анализа скептического тезиса. Главное наблюдение здесь состоит в том, что скептик строит свои аргументы, апеллируя к тем же приёмам мышления, что и его оппонент. Другими словами, он пользуется общечеловеческой логикой. И если Декарт доказывает достоверность мышления из понятия о Боге, то он сначала должен доказать, что сам процесс мышления, которым он дошёл до понятия о Боге, является надёжным. Но ничего подобного он не предпринимает. Более того, сама возможная критика принципов мышления будет использовать законы разума⁶⁰. Кудрявцев-Платонов заключает: «...самодостоверность

⁵⁶ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 49–50.

⁵⁷ Там же. С. 52–53.

⁵⁸ Там же. С. 56.

⁵⁹ Там же. С. 57. Разумеется, приравнивание абсолютного знания к абсолютному Существованию имеет долгую традицию. Но сам этот ход в аргументации весьма сомнителен и требует дополнительных обоснований, раскрытие коих не входит в задачи настоящего труда.

⁶⁰ Там же. С. 58–64.

и бесспорность мышления как формального начала философии делает его надёжным критерием философской истины»⁶¹. Апелляция к законам логики является формальным критерием истины в философии. Таким образом, истина о существовании Бога как начала и цели познания выводится Кудрявцевым-Платоновым также и из краткого эпистемологического анализа тезиса абсолютного скептицизма и удостоверяется формальным критерием инвариантности логического мышления.

Возможный ответ В.Д. Кудрявцева-Платонова на эвиденциалистское возражение

Итак, структурно ответ В.Д. Кудрявцева-Платонова на эвиденциалистское возражение выглядит следующим образом.

- Тезис о базовом характере убеждения в существовании Бога.
- Критерии базовости: неисправимость и достоверность убеждения.
- Доказательство, что (I) соответствует критерию достоверности (обоснование инвариантности логического мышления).
- Доказательство (I) через анализ утверждения скептика («Путь бытия» и «Путь познания»).

Вместе с этим Кудрявцев-Платонов даёт представление о том, как можно было бы опровергнуть современные возражения от вуду-эпистемологии.

Главный тезис лаврского философа состоит в том, что убеждение в существовании Бога (абсолютного Начала) может быть базовым в самом широком понимании этого термина, т.е. таким, которое лежит в основании прочих убеждений, выводимых из него. Предлагает ли он критерии базовости для убеждений?

Ответ на этот вопрос мне представляется положительным. Рассмотрим для начала критерии, зафиксированные А. Плантингой в парадигме эпистемологической теории, которую он маркирует как классический фундаментализм. Базовые убеждения для Кудрявцева-Платонова не характеризуются самоочевидностью для органов чувств. Очевидность убеждения в существовании абсолютного Начала может удостоверяется верой, но не в философском познании; вера же не является видом познания, поскольку удостоверяет только субъективную необходимость истин⁶².

Принимает ли Кудрявцев-Платонов критерий непоправимости, т.е. невозможности изъять базовое убеждение из ноэтической системы личности без последствий для такой системы? Это интересный вопрос для будущего исследования, т.к. в тексте «Об основных началах философского познания» ответа на него нет. Но я бы предположил, что духовно-академический философ принял бы такой критерий. Дело в том, что если убеждение о существовании Бога не будет сформировано, то получится иная философская система, а именно один из вариантов материализма. Эта система будет ограничена представлениями о природе и её механических законах, как в философии Спинозы⁶³.

Что можно сказать с определённой ясностью, так это то, что Кудрявцев-Платонов вводит дополнительный критерий. Речь идёт о достоверности. Это критерий, предполагающий не только необходимую истинность базового убеждения, но и процедуры проверки истинности. Как мы видели, этот критерий он разрабатывает в «пути познания», показывая, что соответствие правилам формальной логики даёт высокую степень достоверности. Анализ этого критерия не входит сейчас в наши задачи, но, как кажется, его важность видна в том, что он вполне может защитить систему

⁶¹ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 65.

⁶² Там же. С. 27.

⁶³ Там же. С. 23.

Кудрявцева-Платонова от аргумента вуду-эпистемологов – например, от проблемы Великого Пампкина. Вопрос здесь распадается на две составляющие. Во-первых, почему в качестве начала может выступать только теистический Бог, а разные «региональные» боги, духи не считаются достойными того, чтобы убеждения в их существовании были положены в основу ноэтической системы личности? Во-вторых, очевидно, что необоснованное полагание убеждения в существовании Бога в качестве базового убеждения – абсолютно фидеистический ход. На первый вопрос ответить можно следующим образом: если существуют боги или духи, то они должны были бы вложить в человека свой *sensus divinitatis*. В действительности же представления о Боге как таковом – результат корректной работы *sensus divinitatis*, а убеждённость в существовании богов или духов – результат дисфункции этого механизма. Со второй проблемой постоянно и, на мой взгляд, безуспешно боролся Плантинга. Эту вторую опасность видел и Кудрявцев-Платонов. Так, он пишет, что представители философии чувства, и в частности Якоби, полагают, что удостоверения в истинах нашего знания следует искать не в демонстрации, а в некотором непосредственном убеждении, в вере в эти истины⁶⁴; но вера не является знанием.

Поскольку Кудрявцев-Платонов сам отрицает критерий самоочевидности, но вводит критерий формальной логической достоверности, можно спросить: не является ли его возможный ответ на эвиденциалистский вызов эвиденциалистским? Логическое удостоверение достоверности представляет собой один из эвиденциалистских критериев подкрепления убеждения. Сформулирую иначе: доказывая необходимость формального логического критерия для обоснованности убеждения, Кудрявцев-Платонов тем самым выводит это убеждение из разряда базовых. Как кажется, на это возражение можно ответить так. Базовость убеждения и обоснованность могут быть и не связаны между собой. Плантинга замечал, что в когерентной системе базовое убеждение обязательно будет обосновано тем, что оно не противоречит другим убеждениям системы. Это замечание, наоборот, не опровергает наше предположение о возможном ответе Кудрявцева-Платонова на эвиденциалистское возражение, но проливает свет на саму природу базовых убеждений. Базовое убеждение должно иметь под собой какие-то основания. Как критерии самоочевидности, очевидности для чувств можно рассматривать как обосновывающие принципы, так и критерий формальной достоверности можно рассматривать как такой принцип. В этом смысле важно смотреть на убеждения не изолированно, а на всю систему убеждений в целом. Скажем, если принимать всю систему, то базовые убеждения обязательно будут фундироваться некоторыми принципами. Например, подходящими кандидатами на роль обосновывающих принципов могут выступать правила вывода-обоснования. Эти правила могут быть разными для базовых и небазовых убеждений. Главное, что речь уже идёт не об изолированных убеждениях, а о связанных между собой правилами и принципами вывода-обоснования системах убеждений.

Ещё один важный аспект ответа Кудрявцева-Платонова заключается в разведении видов знания. Напомню, духовно-академический философ начинает свой трактат с разделения знания на нестрогое научное, научное и философское. Критерии базовости, представленные Кудрявцевым-Платоновым, касаются знания философского. Постигание базового убеждения в существовании абсолютного Начала возможно и в созерцании, которое можно назвать знанием только в несобственном смысле и которое требует собственных определений критериев надёжности.

⁶⁴ Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад, 1914. С. 22. Это ясно показывает, что Кудрявцев-Платонов определил бы Плантингу как представителя философии чувства.

Список литературы

Зеньковский В.В., *прот.* История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.

Кудрявцев-Платонов В.Д. Об основных началах философского познания // *Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения.* Т. 1. Вып. 2. Сергиев Посад: Типография Св. Тр.-Сергиевой Лавры, 1914. С. 1–66.

Плантинга А. Разум и вера в Бога // Аналитический теист: антология Алвина Плантинги / Сост. Дж.Ф. Сеннет; пер. с англ. К.В. Карпова; науч. ред. В.К. Шохин. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 189–274.

Степанов А. Анализ философии скептицизма в творчестве профессора Виктора Дмитриевича Кудрявцева-Платонова // *Актуальные вопросы церковной науки.* 2019. № 1. С. 267–271.

Clifford W.K. *The Ethics of Belief. Lectures and Essays.* London: Macmillan, 1879. 140 p.

Plantinga A. Reason and Belief in God // *Faith and Rationality: Reason and Belief in God* / Ed. A. Plantinga, N. Wolterstorff. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1983. P. 16–95.

Plantinga A. *Warrant and Proper Function.* Oxford: Oxford University Press, 1993. 243 p.

Plantinga A. *Warranted Christian Belief.* New York, Oxford: Oxford University Press, 2000. 509 p.

Plantinga A. *Warrant: The Current Debate.* New York, Oxford: Oxford University Press, 1993. 228 p.

V.D. Kudryavtsev-Platonov’s Anti-Skepticism in the Treatise “On the Basic Principles of Philosophical Knowledge” and Evidentialist Objection to Religious Beliefs

Kirill V. Karpov – Candidate of Sciences in Philosophy, senior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: kirill.karpov@gmail.com

The primary concern of this study is whether it is feasible to develop an evidentialist objection to religious beliefs, as put forth by the British mathematician and philosopher William Clifford in his 1877 essay “The Ethics of Belief”, for V.D. Kudryavtsev-Platonov’s epistemological theory, as presented in his treatise “On the Basic Principles of Philosophical Knowledge”. I demonstrate that such objections could have been raised and propose a potential response from Kudryavtsev-Platonov to it. In the first section of this paper, I argue that Kudryavtsev-Platonov held both fundamentalism and evidentialism in his epistemological views, based on his critique of philosophical approaches such as common-sense philosophy, eclecticism, and skepticism, which are discussed in his treatise. In the second part of the paper, I outline Plantinga’s approach to evidentialist objections, which clearly shows the dependence of the objection’s main points on foundationalism and evidentialism. Finally, in the third part of the paper, I formulate a possible response that Kudryavtsev-Platonov could have offered to the objection and contrast it with Plantinga’s anti-evidentialist argumentation.

Keywords: V.D. Kudryavtsev-Platonov, A. Plantinga, evidentialist objection, antiskepticism, basic beliefs, epistemic foundationalism, epistemic deontology, epistemic internalism

For citation: Karpov, K.V. Antiskeptitsizm V.D. Kudryavtseva-Platonova v traktate “Ob osnovnykh nachalakh filosofskogo poznaniya” i evidentsialistskii vyzov religiozным ubezhdeniyam [V.D. Kudryavtsev-Platonov’s Anti-Skepticism in the Treatise “On the Basic Principles of Philosophical Knowledge” and Evidentialist Objection to Religious Beliefs], *Otechestvennaya filosofia* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 4, pp. 7–25. (In Russian)

References

Zen’kovskii, V.V., *prot.* *Istoriya russkoi filosofii.* [History of Russian Philosophy] Moscow: Akademicheskii Proekt, Raritet Publ., 2001. 880 p. (In Russian)

Kudryavtsev-Platonov, V.D. Ob osnovnykh nachalakh filosofskogo poznaniya [On the Basic Principles of Philosophical Knowledge], in: *V.D. Kudryavtsev-Platonov. Sochineniya. T. 1. Vyp. 2.* [Essays. Vol. 1. No. 2]. Sergiev Posad: Sv. Tr.-Sergievoi Lavry Publ., 1914, pp. 1–66. (In Russian)

Plantinga, A. Razum i vera v Boga [Reason and Belief in God], in: *Analiticheskii teist: antologiya Alvina Plantingi* [The Analytical Theist: An Anthology of Alvin Plantinga], sost. Dzh.F. Sennet, per. s angl. K.V. Karpova, nauch. red. V.K. Shokhin. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014, pp. 189–274. (In Russian)

Stepanov, A. Analiz filosofii skeptitsizma v tvorchestve professora Viktora Dmitrievicha Kudryavtseva-Platonova [Analysis of skeptical philosophy in the writings of Professor Viktor Dmitrievich Kudryavtsev-Platonov], *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki* [Current Issues of Church Science], 2019, No. 1, pp. 267–271. (In Russian)

Clifford, W.K. *The Ethics of Belief. Lectures and Essays.* London: Macmillan, 1879. 140 p.

Plantinga, A. *Reason and Belief in God, in Faith and Rationality: Reason and Belief in God*, ed. by A. Plantinga, N. Wolterstorff. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1983, pp. 16–93.

Plantinga A. *Warrant and Proper Function.* Oxford: Oxford University Press, 1993. 243 p.

Plantinga, A. *Warranted Christian Belief.* New York, Oxford: Oxford University Press, 2000. 509 p.

Plantinga, A. *Warrant: the Current Debate.* New York, Oxford: Oxford University Press, 1993. 228 p.